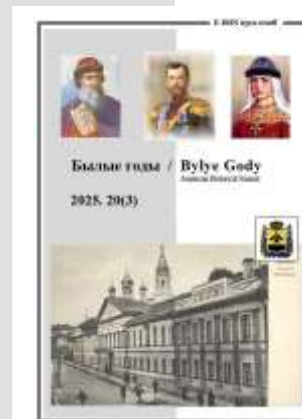

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(3): 1404-1415
DOI: 10.13187/bg.2025.3.1404

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Memorable Sites of the Pavlodar Irtysh Region on Topographic Maps of the 19th – early 20th centuries

Madi I. Rakhimov ^{a, b, c}, Nurbek U. Shayakhmet ^b, Kairat K. Battalov ^{b, *}, Gulzhazira I. Rakhimova ^c

^aToraighyrov University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

^bAstana IT University, Astana, Republic of Kazakhstan

^cAstana Medical University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article explores the commemorative sites of the Pavlodar Irtysh region, documented on topographic maps dating from the late eighteenth to the early twentieth centuries. Employing an interdisciplinary approach, it examines military outposts, sacred landmarks, and places connected with the activities of the Kazakh nobility, stressing that these locations fulfilled not only administrative functions but also significant symbolic roles.

The study draws on expedition reports, archival records, the works of prominent scholars and ethnographers, and topographic maps. Special attention is paid to sacred sites – including mosques and mausoleums—linked to notable religious figures and members of the elite. These landmarks fostered unique cultural spaces that united various social groups.

The authors emphasize that cartographic materials captured more than geographical realities; they also documented elements of the spiritual landscape, revealing how local communities perceived and inhabited their environment. Viewing commemorative sites as intersections of history, culture, and collective memory highlights the multilayered character of the Pavlodar Irtysh region's historical and cultural heritage. Such research not only safeguards historical memory but also lays a foundation for developing cultural tourism in the region.

Keywords: Pavlodar Priirtysh region, topographic maps, memorable sites, sacralization of space, historical heritage

1. Введение

Формирование системы российских укреплений в Прииртышье, начавшееся ещё в XVII веке и особенно активизировавшееся в XVIII столетии, имело стратегическое значение для Российской империи. Укрепления вдоль Иртыша выполняли функцию военных опорных пунктов и одновременно обеспечивали выход к сибирским природным ресурсам и торговым маршрутам. Экспедиция И. Бухгольца, отправленная по приказу императора Петра I и губернатора Сибирской губернии М.П. Гагарина, положила начало систематической картографической фиксации местности, которая одновременно стала базисом для военных и административных мер по укреплению позиций империи в регионе. В этот же период С. Ремезов ([Remezov, 1642](#)) внёс сведения об основных реках, озёрах, кочевьях, а также о ряде мест, которые со временем стали рассматриваться как исторически и культурно значимые.

Значительная часть научных исследований XIX века была связана с продвижением во внутренние районы Казахстана и Западной Сибири, где природа, культура и уклад жизни местного населения вызвали интерес у исследователей и представителей властных структур. Экспедиционные

* Corresponding author

E-mail addresses: kairat.battalov@gmail.com (K.K. Battalov)

маршруты охватывали и Павлодарское Прииртышье, включая прилегающие степные территории. Со временем укрепления, такие как Ямышевская и Коряковская крепости, перестали быть исключительно стратегическими объектами и превратились в хозяйственные центры, вокруг которых возникли новые пункты местной торговли и ремесла. Полевые наблюдения и научные описания способствовали осмыслению культурной значимости отдельных мест, которые со временем приобрели статус памятных не только благодаря историческим событиям, но и благодаря формированию вокруг них устойчивых культурных и сакральных традиций.

Цель настоящей статьи – проследить, как в результате научных процессов возник устойчивый образ памятных мест Павлодарского Прииртышья, закрепившийся в документах Императорского Русского географического общества, народной памяти и на топографических материалах.

2. Материалы и методы

В ходе исследования использовались труды путешественников и исследователей Западной Сибири и казахских степей, включая отчёты Г.Ф. Миллера (Миллер, 2005), П.С. Палласа (Паллас, 1786), П.И. Рычкова (Рычков, 1762) и А.К. Гейнса (Гейнс, 1866). Важной частью источниковой базы стали издания и отчёты Императорского Русского географического общества, где помещены работы П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Семенов-Тянь-Шанский, 1903), Г.Н. Потанина, Ш. Уалиханова, Н. Коншина, а также архивные материалы канцелярий Западно-Сибирского и Степного генерал-губернаторств, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Историческом архиве Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация) и Государственном архиве Алтайского края (ГААК) (Барнаул, Российская Федерация). Существенную часть анализа составили топографические карты XVIII и XIX веков, фиксирующие форты, дороги, кладбища и иные объекты, указывавшие на их возможную сакральную ценность.

Системный исторический метод дал возможность проследить закономерности развития региона и увидеть, как военные, экономические и культурные факторы влияли на формирование «мест памяти». Картографический метод заключался в сопоставлении исторических карт между собой и с современными географическими данными. Междисциплинарный подход объединил исторические, археологические, этнографические и культурологические аспекты. Историко-антропологический анализ позволил оценить, как местное население воспринимало и сакрализовало те или иные места. Важную роль сыграла архивная работа, обеспечившая доступ к оригинальным донесениям, рапортам, переписке чиновников и деятелей эпохи, что позволило уточнить ряд фактов, связанных с появлением укреплений, мечетей и других культовых сооружений.

3. Обсуждение

Научно-исследовательская активность в Павлодарском Прииртышье была тесно связана с военно-административными задачами того времени. В материалах экспедиций Г. Миллера (Миллер, 2005), П.С. Палласа (Паллас, 1786: 163), П. Рычкова (Рычков, 1762) и И.Г. Андреева (Андреев, 1998) содержатся одни из первых попыток комплексного описания природы, климата, населения и хозяйственного потенциала региона. Военные топографы параллельно занимались составлением карт, на которых обозначались не только форты, но и объекты, представлявшие значение для местного населения. Так, шведский офицер Филипп Иоганн фон Страленберг, а также картограф И. Кирилов и геодезист И. Красильников включали в свои чертежи мазары (мусульманские надмогильные памятники, связанные с могилами почитаемых людей, распространённые в Центральной Азии) и другие культовые сооружения, что отражает стремление к более полному и всестороннему пониманию особенностей территории и культурного уклада её обитателей.

Императорское Русское географическое общество публиковало результаты экспедиций и наблюдений, включая труды П.П. Семёнова-Тян-Шанского (Семенов-Тянь-Шанский, 1903), где описывались природные условия и этнокультурные особенности Казахстана. Г.Н. Потанин (Потанин, 1972), выходец из Западной Сибири, проявлял особый интерес к этнографии казахского населения, в том числе на территории Прииртышья. А. И. Левшин (Левшин, 1832) и Л. Мейер (Мейер, 1865) подробно освещали быт и нравы казахов. Ш. Уалиханов (Уалиханов, 1984), сочетавший европейское научное образование с культурным опытом казахской среды, также фиксировал священные места и мавзолеи, демонстрируя неотделимость религиозных и культурных объектов от общего ландшафта и общественной жизни. Наконец, Н. Коншин (Коншин, 2007) акцентировал внимание на феномене аулие (в исламской традиции Центральной Азии почитаемый святой, праведник или духовный наставник, часто являющийся объектом народного поклонения) и целительных озёрах, подчёркивая значение подобных мест для формирования духовной географии региона.

В ходе исследования по локализации памятных мест Павлодарского Прииртышья были использованы архивные картографические материалы XIX века, позволяющие уточнить точное расположение объектов. Так, на топографической карте (ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 85. Л. 3) отражена местность Акколь-Жайылма. На схематической карте Западной Сибири и Киргизской (Казахской – Прим. авт.) степи (ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 18. Л. 12) указано место захоронения Мусы Шорманова (казахский общественный и государственный деятель, старший султан Баянаульского округа,

полковник царской армии, просветитель и этнограф). Все эти данные дополняют письменные источники, формируя более целостное представление о памятных местах региона.

Одновременная фиксация укреплений и сакральных объектов на картах указывает на сложное положение Прииртышья. С одной стороны, оно служило передовым военным рубежом, с другой – сохраняло локальные религиозные и культурные практики. В результате формировалось особое пространство, в котором официальная картографическая топонимика сочеталась с устной традицией, связанной с целителями, священными местами и родовыми преданиями. В ряде случаев архивные документы подтверждают, что власти учитывали значимость подобных объектов для местного сообщества при планировании укреплений, дорог и организации управления.

4. Результаты

Прежде чем переходить к изложению результатов, важно детально обозначить ключевые понятия, на которых строится дальнейший анализ. В толковом словаре В. Даля «память» описывается как способность сознания удерживать пережитое и как совокупность оставшихся следов прошлого, отражённых в созданных человеком предметах и представлениях (Даль, 1905: 474). В своём толковом словаре С. Ожегов видит в памяти не только психологический механизм воспроизведения опыта, но и сам запас впечатлений, а также особую форму уважения к значимым людям и событиям (Ожегов, 1990: 691). Схожее содержание несёт слово «жады» (память – Прим. авт.) из тюркской лексикографической традиции, зафиксированное В. Радловым, что позволяет расширить понятийный контекст за счёт сопоставления русских и тюркских лексических данных (Радлов, 1905: 37).

В продолжение понятийного анализа необходимо также определить значения и этимологию таких ключевых терминов, как «священный» и «сакральный». В философских словарях слово «сакральный» (от лат. *sacer* – объявить священным, преклоняться, посвятить богу) трактуется как относящееся к сфере высшего, духовного (Стёпин, 2010: 91). По определению Э. Бенвениста, «*sacer*» обозначает таинство, тогда как «*sanctus*» – это явление, порождающее запреты, придуманные людьми (Бенвенист, 1995: 349).

Таким образом, с онтологической точки зрения, «сакральный» – это явление, отличающееся высоким уровнем духовности; с позиции гносеологии – истина, находящаяся за пределами рационального познания; с точки зрения феноменологии – удивительный и прекрасный мир; с аксиологической позиции – абсолютное, императивное явление (Rakhimov et al, 2018).

На этом основании памятное место понимается как точка пересечения материального ландшафта, исторического события и коллективных представлений. Подобный локус формирует особое культурное пространство, где координаты пространства сочетаются с ценностными смыслами, что обеспечивает устойчивую значимость этого места в региональной памяти. Идея французского историка Пьера Нора о «*lieux de mémoire*» подчёркивает именно такую роль локусов в фиксации коллективного опыта (Нора, 1999: 25).

Значимость места поддерживается коммеморацией, то есть совокупностью ритуальных и дискурсивных практик, через которые сообщество регулярно обращается к прошлому, адаптируя его к современным потребностям. Коммеморация включает публичные церемонии, музейные экспозиции, реставрацию памятников и иные формы воспоминания, постоянно насыщая пространство новыми оттенками смысла. В её рамках участок земли превращается в активный элемент культурной идентичности, а память о событии или личности приобретает осязаемую форму.

В результате проведённого анализа удалось выделить несколько значимых групп памятных мест, представляющих историческую, религиозную и культурную ценность для Павлодарского Прииртышья, отражённых на топографических картах XVIII – начала XX века. Прежде всего, речь идёт о военных крепостях, таких как Коряковская и Ямышевская. Их роль не ограничивалась военными функциями, поскольку вокруг крепостей формировалась местная инфраструктура и появлялись поселения, давшие начало современным населённым пунктам. Например, Коряковка впоследствии превратилась в город Павлодар.

О строительстве в 1715 году крепости недалеко от солёного озера писал Г. Ф. Миллер: «Октября 1 числа прибыл господин Бухгольц с войском к озеру Ямышу, где первую крепость заложить велено было. Имя озеро вообще Ямышева выговаривается. А ежели принять татарское и калмыцкое произношение, которое без сомнения всез правильное, за основание, то должно говориться Ямыш, а имя Ямышева должно оставить тамошней крепости» (Миллер, 2005: 482).

Относительно названия Г.Н. Потанин в своём автобиографическом романе «Воспоминания», ссылаясь на записки отца Палладия, пишет: «В XIII веке по приказу Чингисхана была изготовлена карта Монголии, в ней на том месте, где позже появилась станица Ямышевская, можно прочесть слово “Емишин” (Емші көл - Целебное озеро – Прим. авт.). Также чётко просматриваются здания мечети, караван-сарая. Вот видите, с каких пор существует Ямышевская ярмарка... сюда шли караваны за солью из самой Кашгарии. Они весь путь проделывали за 90 дней» (Потанин, 1983: 22).

По сведениям Г.Ф. Миллера, весной Ямышевская крепость была осаждена и разрушена джунгарскими войсками под предводительством Черена Дондука. Экспедиция И. Бухгольца

отступила к устью реки Оми, где в 1716 году была основана Омская крепость. Вскоре после этого И. Бухгольца вызвали сначала в Тобольск, а затем в Петербург (Миллер, 2005: 485).

Летом того же года губернатор Сибири Матвей Гагарин направил подполковника Сибирского драгунского полка Фёдора Матигорова для восстановления Ямышевской крепости. Эти же события описывает А. Гейнс следующим образом: «Вскоре ссора, возникшая между губернатором и Бухгольцем, заставила последнего уехать из Омска в Петербург. Оставшись полным хозяином экспедиции, Гагарин повёл дела весьма энергично. Начальником отряда он назначил Ступина. Ступину было приказано плыть к Ямышеву озеру и вновь отстроить крепость. В 1717 году Ступин прибыл в Ямышев и заложил совершенно неприступный новый городок. Ещё раньше, с той же целью, к Ямышеву озеру был направлен отряд под командованием подполковника Матигорова» (Гейнс, 1866: 316).

Местоположение Ямышевской крепости можно увидеть на ландкарте Филиппа Иоганна фон Страленберга (Рисунок 1).

Рис. 1. Фиксация Ямышевской крепости и озера на ландкарте Филиппа Иоганна Табберта фон Страленберга, опубликованной в 1730 году

В 1720 году вблизи Ямышевской крепости, в Коряковском Яру, недалеко от одноимённого озера, был построен военно-укрепительный форпост Коряковский. Посетивший Коряковский форпост в 1771 году академик П. С. Паллас описывает его таким образом: «Сей форпост всех прочих по Иртышу многолюднее и имеет лучшие там строения. Высокая и открытая там степь, на коей лежит оной форпост, и привольная долина с приятными находящимися по реке островами придают его положению ещё большую приятность. От Иртыша в 22 верстах на степи лежит само Коряковское солёное озеро. Соль перевозят на барках, которые за 15 верст ниже Семипалатной из тамошнего соснового лесу строят. Они держат грузу 18 000 пудов» (Паллас, 1786: 154).

Первое зафиксированное местоположение данного озера можно увидеть на хорографической карте С. Ремезова (Рисунок 2).

Развитие солевой промышленности способствовало превращению данного региона в один из торгово-промышленных центров Прииртышья. Об этом пишет В.П. Семёнов-Тянь-Шанский: «Коряковская соль считается во всём Прииртышском крае наилучшей. Добывается её в год от 700 тыс. до 1 250 тыс. пудов. Соль, особенно коряковская, сбывается далеко за пределы области: она свозится к Иртышу (Черноярка, Павлодар и др.), откуда сплавляется в Омск, Тару, Тобольск и Томск, и сухопутным путём в Ачинск, Барнаул, Верный и др. Позже форпост переименован в станицу и, наконец, в 1861 году – в уездный город Семипалатинской области» (Семенов-Тянь-Шанский, 1903: 69).

Рис. 2. Озеро Коряковка на карте из «Хорографической книги Сибири» (1696–1711) С.У. Ремезова (Remezov, 1642: 96).

Местоположение данных крепостей не только сохранилось в народной памяти, но и играет важную роль в культурно-историческом наследии региона. Эти форпосты служили не только военными опорными пунктами, но и стали основой для развития торговли и взаимодействия различных этнокультурных групп. Особое значение они приобретают в контексте деятельности Султанбета султана (казахский политический и военный деятель XVIII века, правитель Среднего Прииртышья, дипломат и батыр) и его сына Шаншар султана (казахский политический и военный деятель конца XVIII – начала XIX века, младший сын Султанбета султана), сыгравших заметную роль в управлении Средним Прииртышьем. Упоминание Султанбет-султана встречается в записях капитана И.Г. Андреева, который писал: «Волость кипчацкая, которая начинается кочевьем своим от крепости Ямышевской вниз по реке Иртышу по займищам и островам, даже до крепости Железинской и ниже оной. Главным старшиной сей волости Султамамет-султан почитается. Подвластных самых лучших людей, кроме жен и детей, до 5000. Которому султану по знатности его в прошлом 1778 году прямо форпоста Коряковского в 7 верстах на заречной стороне для зимнего кочевья построен деревянный дом, а сверх того, по воследовавшему из Государственной Коллегии иностранных дел от 13 марта 1764 года указу, при котором прислана ему в копиях грамота и от вице-канцлера Воронцова письмо, по которой грамоте пожалован саблей и денежным жалованьем 150 руб., да и впредь оному производить велено, которому и ныне производится» (Андреев, 1998: 49).

В 2016 году археологическая экспедиция центра «Margulan Centre» Павлодарского государственного педагогического института обнаружила усадьбу, упомянутую в архивных источниках. Она находилась на территории села Кенжеколь вблизи г. Павлодара. Резиденция была воссоздана на основе сохранившихся описаний и чертежей: в её составе находились покои султана и две светлицы, использовавшиеся как рабочие кабинеты.

Сведения о Султанбет-султанине неоднократно зафиксированы в российских архивах, что подчёркивает его значимость в истории Среднего Прииртышья.

В источниках его нередко упоминают как Солтомамбет или Султанмамбет. Так, 10 июля 1762 года императрица Екатерина II отправила грамоты Нурали-хану (хан Младшего жуза (1748–1786), старший сын Абулхаир-хана), Аблаю (хан Среднего жуза (1711–1781), выдающийся государственный и военный деятель Казахского государства XVIII века) и Султанбет султану, где говорилось: «...ко всенародной радости, сего 1762-го июня 28 дня вступили на Всероссийский престол самодержавно, и в верности к нам нашему императорскому величеству и любезнейшему нашему сыну, законному российскому императорскому престолу наследнику Цесаревичу и Великому князю Павлу Петровичу. Мы великая государыня нашею императорскою милостию хану, салтанам, старшинам и всем киргиз-кайсацкому народу благосклонны пребываем» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 69).

В ответ Аблай и Султанбет султан отправили Баир султана (шурина Абылай хана) и Урус султана (старшего сына Султанбет султана) в качестве посланников, которых торжественно приняли в Зимнем дворце. 27 августа 1762 года Екатерина II отпустила их с наградами, указав в письме: «Лист с

посланцем Баир-солтаном и Урусом здесь получен. А посланец и при сем отпущены возвратно со всемилостившим нашим награждением. Такого же содержания отправлена грамота и к Солтомамет-солтану той же Средней орды сыном его Урус-солтаном, сюда присланным» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 64. Л. 152-152).

Содержание этих писем свидетельствует о значительном влиянии Султанбет султана и его вкладе в развитие дипломатических отношений между Россией и Казахским ханством.

Его деятельность продолжил младший сын Шаншар султан, живший в период с 1758 по 1819 год. Он был одним из наиболее известных представителей политической элиты позднего Казахского ханства и активно помогал отцу в выполнении важных дипломатических поручений. Шаншар лично совершал поездки в Санкт-Петербург, участвовал в коронации императора Александра I и получил аудиенцию, в ходе которой ему вручили грамоту, подтверждавшую права казахов на занимаемые ими земли. Эта миссия свидетельствует о его заметном вкладе в политическую жизнь региона и о важности сотрудничества казахских султанов с российскими властями.

Особое место среди них занимает мечеть Шаншар султана, воздвигнутая в 1802-1804 годах. Она неоднократно упоминается в фондах Российского государственного исторического архива и рассматривается не только как культовое сооружение, но и как архитектурный символ политического влияния казахской аристократии. В одном из писем, адресованном графу Н.П. Румянцеву, зафиксировано следующее: «1802 года октября 1-го числа во исполнение последовавшего именного высочайшего Его императорского величества того же года 17 февраля повеления представили в Государственную коллегия иностранных дел план и смету к построению деревянной мечети и небольшого дома для киргизского Солтана Чанчара Солтамаметова» (РГИА. Ф. 81. Оп. 6. Д. 1291). Этот факт свидетельствует о высоком статусе султана и о значимости мечети, возведённой по его инициативе, в религиозной и общественной жизни региона.

О сооружении мечети, построенной по просьбе султана Шаншара, упоминается, в частности, у А. Букейханова (выдающийся казахский общественный и политический деятель (1866–1937)), который лично видел это в марте 1908 года, проезжая из Семипалатинска в Павлодар: «По дороге из Семипалатинска в Кереку (Коряковка – Прим. авт.) я увидел на высоком берегу Иртыша древнюю мечеть, построенную в честь этого известного султана и названную его именем. Шаншар-султан, который скончался в 1819 году, перед смертью повелел похоронить себя на западном берегу Иртыша. Этот мазар, хотя и порядком разрушен временем, все же сохраняет свою привлекательность. Место его захоронения до сих пор в народе зовется “Шаншар-тамы”» (Букейханов, 2009: 413).

Локацию мечети можно увидеть на дореволюционных картах, где отмечены руины данной постройки у дороги Семипалатинск – Павлодар (Рисунок 3).

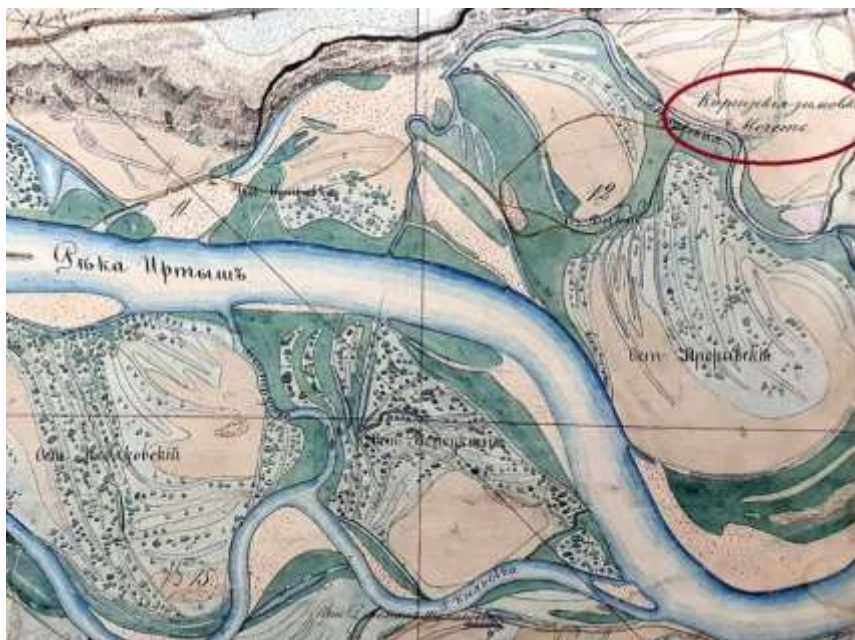

Рис. 3. Карта 1871 года с указанием местоположения мечети султана Шаншара
Источник: [Темирболат-улы](#) (дата обращения: 20.04.2025).

В настоящее время ведётся работа по сопоставлению старых картографических материалов с современными и определению точных географических координат местонахождения мечети. Параллельно проводятся полевые разведывательные исследования, поскольку данное памятное место занимает одно из ключевых мест в историко-культурном наследии Павлодарского

Прииртышья и вызывает особый интерес у местных жителей и исследователей. Для многих поколений эта мечеть служила не только религиозным центром, но и символом общинной сплочённости, памяти и преемственности культурных ценностей.

Одним из значимых политических центров Прииртышья в прошлом являлся регион Акколь-Жайылма, расположенный в междуречье нижнего течения рек Оленты и Шидерты (Экибастузский район, Павлодарская область). Эта территория представляет собой уникальный субрегион степной Сарыарки, отличающийся богатым природным ландшафтом. Её описание представлено в дореволюционных источниках, таких как «Материалы по киргизскому землепользованию», где приводится подробная характеристика местности. Согласно этим данным, в южной части района, где завершаются реки Уленты и Чидерты и начинается река Джалаулы, впадающая в одноимённое озеро, находится обширная низменность. Весной она затапливается водами, которые держатся в течение 15-20 дней, образуя систему мелких озёр и карасу, большая часть которых пересыхает к концу лета. Эта местность на юге известна под названием Аккуль, а на севере – Джайылма ([Материалы по киргизскому..., 1908: 8](#)). Местоположение Акколь-Жайылмы можно увидеть на карте 1871 года, составленной при проведении границы между Павлодарским и Акмолинским уездами ([Рисунок 4](#)).

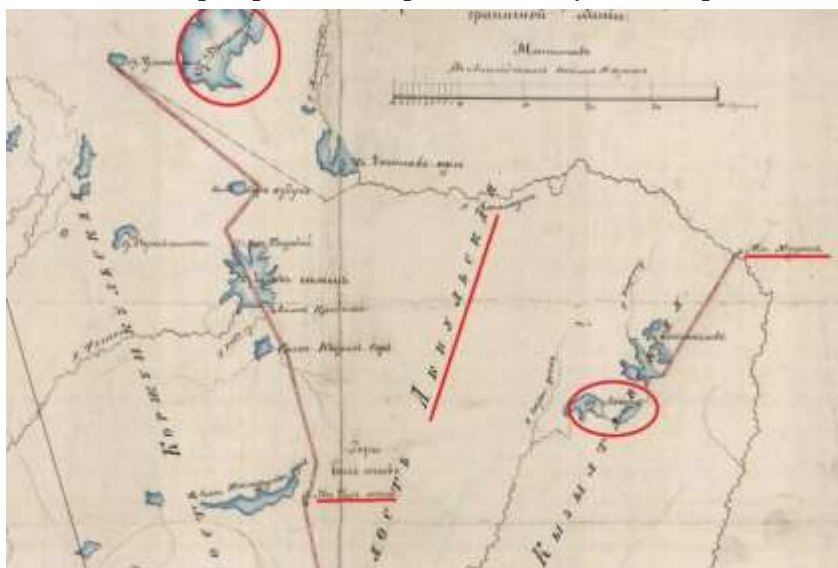

Рис. 4. Местность Аккуль–Жайылма, зафиксированная на карте границ между Павлодарским и Акмолинским уездами с указанием участков, предназначенных для образования летовок киргизов в 1870 году (ИАОО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 18. Л. 12)

Историческая значимость Акколь–Жайылмы подчёркивается источниками начала XIX века. В одном из писем генерал-лейтенанта Глазенапа султану Шаншару Султанмамедулы говорится о приглашении на церемонию, связанную с избранием хана Среднего жуза Бокея, сына Барак-султана, на озере Джайылма ([Букейханов, 1901: 62](#)).

Это событие указывает на роль региона как политического центра, где происходили важные для казахской знати события, включая избрание ханов. Подобные церемонии проводились здесь из поколения в поколение, что отражает устойчивость местных традиций и значимость территории в общественно-политической жизни казахского общества.

Особая святость этой территории, закреплённая в народной памяти, может быть связана с распространением ислама среди потомков Чингисхана и строительством мавзолеев мусульманской знати. Казахская традиция придавала сакральный смысл местам, ассоциированным с чингизидами, приписывая им небесное покровительство и избранность (киелілік). Так, в устных преданиях подчёркивается святость и благословенность Абылай-хана, что отражает пережитки тенгрианских представлений о небесной избранности (благославленный с небом тенгри).

В XVIII–XIX веках культовое значение Акколь-Жайылмы усиливается. Об этом писал Н. Коншин: «В Аккульской волости могильные курганы, в числе трёх, расположенных в линию с востока на запад, находятся в пределах на урочище Сары-оба. На верхушках курганов есть углубление в виде котла. В пределах того же старшинства около оз. Аулие-куль (святое озеро) есть небольшой курганчик, под которым погребён, по рассказам киргиз, святой (аулие) Туйте (почитаемый святой (аулие) у казахов, по преданию живший и кочевавший в районе реки Шидерты, в местности Аккол-Жайылма. Один из девяти местных озёр – Аулие-куль – назван в его честь). Могила этого святого почитают, совершая над ней моления и пр.» ([Коншин, 1903: 11](#)).

Священное значение региона Акколь-Жайылма, возможно, связано с деятельностью исламских проповедников, прибывших в эти земли в разные исторические периоды. На территории Павлодарского Прииртышья расположены мавзолеи известных религиозных деятелей: Исабек

ишана Хазрета (казахский религиозный деятель XIX века, философ, просветитель. Происходил из рода Саид-кожа, считающегося потомками пророка Мухаммеда. С юных лет обучался в медресе, а в 14 лет получил титул «ишан». Впоследствии был признан святым (аулие) за свою духовную деятельность и вклад в распространение ислама в Центральном Казахстане) и Жандарбек кожи (казахский религиозный деятель и просветитель XX века, потомок Исабек ишана), которых принято считать потомками первых миссионеров ислама. Особое место в истории региона занимает Исабек ишан Хазрет, живший в XIX веке. Он был религиозным деятелем, философом, просветителем, наставником Машхура Жусупа Копеева и представителем особой социальной группы казахского общества – рода кожа. Представители этого рода традиционно считаются потомками арабских миссионеров, сыгравших ключевую роль в распространении ислама в Степи. Ещё в XVIII веке на эту особенность обращал внимание П. И. Рычков, отмечая: «Немалое число находится ходжей, которых учеников Магометовых почитают; почитание своё имеют они наипаче от хлебопашества» (Рычков, 1762: 125).

Согласно родословной, дед Исабека носил имя Акку ишан, а отец – Мурат ишан. Последний, как сообщается, был первым из рода, кто поселился в Сарыарке в конце XVII века, будучи молодым человеком примерно двадцати лет. Именно с представителями рода кожа связывался активный процесс исламизации казахского общества. В степной среде эти религиозные авторитеты получали почётное прозвище ишан, что, по определению исламского толкового словаря, означало духовного наставника и проводника религиозных знаний в мусульманской традиции Средней Азии. Обычно ишан проживал в специальной обители и пользовался поддержкой со стороны населения, воспринимавшего его как святого. Звание ишан нередко передавалось по наследству. Их духовное влияние в Казахской степи было чрезвычайно велико.

Путешественник и востоковед Арминий Вамбери в своих дневниковых записях писал: «Никогда не забуду сцен, которые я наблюдал в доме одного ишана. Он унаследовал святость, знания и почет от своего отца. У него был текке (монастырь), где, по примеру Бухары, получали образование несколько групп учеников. К тому же он получил изн (разрешение) из Мекки читать священные стихи (касыде-и шериф)» (Вамбери, 1874: 203). Даже после ухода из жизни могилу святого посещают верующие и читают молитвы. О таких эпизодах сообщает А.И. Левшин: «Едва ли кто нибудь из киргиз-кайсаков был в Мекке. Поэтому по их мнению многие могилы, в степях существующие, скрывают в себе останки святых (аулие). Они ездить им поклоняться, читают над ним молитву, приносят им жертву скот, который тут же сами съедают, и привязывают кустарникам лоскутья, полагая, что души святых обитают над своими телами в местах счастливых» (Левшин, 1832: 56). Схожие наблюдения приводит Л. Мейер, указывая, что «из религиозных обрядов весьма замечательно у киргизов уважение к могилам известных предков и обычай молиться на этих кладбищах, называемых ими святыми – аулие» (Мейер, 1865: 229).

Мавзолей Исабек ишан Хазрета представляет собой архитектурный комплекс, в состав которого входят два мавзолея, построенных из белого камня, мечеть и помещение для паломников. В современную эпоху он рассматривается как значимый сакральный объект и памятник истории и культуры. В традиционном казахском сознании могила Исабек ишана воспринимается как святое место, к которому продолжают обращаться с мольбами о помощи, исцелении и защите. Сюда приезжают паломники из разных регионов Казахстана, что подтверждает актуальность духовного авторитета Исабек ишана и сегодня.

Кроме религиозных деятелей, важное значение имеют памятные места, связанные с личностями, чья деятельность носила социально-политический характер в Прииртышье. Одним из таких мест в Баянауле является мавзолей общественно-государственного деятеля, дипломата и просветителя Мусы Чорманова (1818–1884). Он родился в урочище Аккелин в Баянауле, в семье знатного бия Шормана (настоящее имя – Жумабай). Муса происходил из рода Каржас племени аргын Среднего жуза. Отец Мусы, Шорман бий Кушикулы, был известной личностью в Сарыарке, обладал даром красноречия, и многие его высказывания сохранились в памяти народа. Слово «бий» относится к древним тюркским терминам; оно существовало у разных тюркских народов в вариантах «бек», «бей» и «бий». Слово «бек» у закавказских народов означает «князь», «бей» у турок имеет тот же смысл. У казахов существует глагол «билік», что значит «судить», «решать», и в первоначальном смысле это слово у казахов означало «судья» (примечание Ч. Валиханова) (Валиханов, 1985а: 308).

О Шорман бие рассказывает Ч. Валиханов: «В родах Баянаульского округа султаны имели меньше значения, нежели в других родах, а роды управлялись сильными родоначальниками биями. Особенно известны в народе бии: в айдабульском – Чон, а в каржаском – Чорман, по прозвищу Чечен (мудрый). Чорман, обладая редким даром слова, с 14 лет от роду был родоначальником – бием и в одном тяжёлом процессе славно защитил своих родовичей перед лицом хана Вали» (Валиханов, 1985а: 309).

Сам Чокан Валиханов имел тесные родственные связи с семьёй Шормановых. Бабушка Чокана, Айганым, фактически глава рода Уалихановых, выдала своего сына Чингиза за дочь Шорман бия – Зейнеп, от этого брака родился Шокан (в российских источниках – Чокан). Об этом пишет Г.Н. Потанин: «Мать Чокана, Зейнеп, была дочь бия Баян-Аульского округа, Чормана. Родной брат Зейнеп – Муса Чорманович Чорманов, дядя Чокана, переживший племянника, был очень

влиятельный человек в степи, пользовался уважением степных властей, имел чин русского полковника, подолгу жил в Омске, раза два ездил в Петербург и вообще был один из наиболее европеизированных киргизов» (Валиханов, 1985b: 347).

Шорман бий был назначен ага-султаном Баянаульского внешнего округа в 1836 году, но скончался через год после назначения. Он с детства стремился дать Мусе хорошее образование. Изначально Муса обучался у аульного муллы, затем получил основы русской грамоты, а в 1832 году экстерном поступил в училище Сибирского казачьего войска. Однако в 1833 году, в связи с назначением отца волостным управителем в образованном Баянаульском внешнем округе, Муса вынужден был завершить учёбу. Отец привлёк Мусу к управленческой деятельности, содействуя его назначению управителем Кулюк-Каржасской волости. В дальнейшем Муса занимал пост заседателя Баянаульского окружного приказа.

Пик общественно-политической карьеры Мусы Чорманова пришёлся на 1850–1860-е годы. В 1854 году он был назначен старшим султаном Баянаульского внешнего округа, где добился улучшения хозяйственной и культурной жизни. Авторитет Мусы во многом укрепился благодаря его заботе о просвещении народа. Осознавая значение образования, он активно привлекал молодых казахов к обучению в русских школах и пансионатах. В 1857 году при его участии в Омске была открыта школа для подготовки писарей для волостных канцелярий. Перед областным управлением сибирских казахов Муса поднимал вопрос создания передвижных гимназий, приспособленных к кочевому образу жизни. На собственные средства он построил в Баянауле медресе и мечеть (Сакральная география, 2017: 448).

В середине 1860-х годов в Сибири вспыхнул скандал, связанный с областническим движением. Муса Чорманов и влиятельный султан Чингиз Валиханов попали под подозрение и были охарактеризованы как «назойливые киргизы» и «ненадежные люди». В 1868 году Баянаульский округ был расформирован, а Муса ушёл в отставку в звании полковника. Однако его деятельность не осталась незамеченной. С 1868 по 1884 год Муса Чорманов был советником по казахам в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, где он продолжал работать над улучшением социально-бытовых условий казахов Прииртышья и открывал русские школы для казахских детей в Омске и Павлодаре. Он материально поддерживал эти учебные заведения. Так была открыта школа-интернат для казахских девочек в 1878 году в Омске.

В наследии Мусы Чорманова сохранились труды по истории, этнографии и хозяйству казахов Прииртышья: «Киргизские народные обычаи», «О скотоводстве у киргизов Западной Сибири», «Заметки о киргизах Павлодарского уезда», «Зимовки или зимние кочевки», «О кочевках киргиз». Эти работы отличаются обширным фактологическим материалом и свидетельствуют о глубоких знаниях культуры и хозяйственного уклада народа. Муса поддерживал научные и личные связи с Г.Н. Потаниным и своим племянником Ч. Валихановым, которые высоко ценили его труды. Он содействовал сбору информации по казахскому фольклору и родословной, а Ч. Валиханов обращался к нему за советом по вопросам истории и обычного права казахов.

В 1884 году Муса Чорманов скончался в Омске. Местоположение его захоронения отмечено на топографической карте 1891 года (Рисунок 5).

Рис. 5. Место захоронения Мусы Шорманова на карте Западной Сибири и Киргизской степи (1891 год) (ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 18. Л. 12)

Память о нём хранится в народном сознании благодаря его деятельности и личным качествам. В представлении современников Муса Чорманов выступал как уважаемый деятель, чьё активное

содействие образованию и культуре способствовало появлению целой плеяды выдающихся личностей науки и культуры Казахстана.

Таким образом, памятные места Павлодарского Прииртышья можно рассматривать как систему локусов, где военные, административные, религиозные и культурные аспекты тесно переплетены. Крепости отражают особенности политики и стратегии своего времени, мечети и мавзолеи сохраняют значимую символическую ценность для населения, а места, связанные с деятельностью родовой знати, выступают ещё и носителями родовой идентификации. Сохранённые в картографических материалах, эти объекты продолжают выполнять важную историко-культурную функцию и представляют интерес как для исследователей, так и для туристов.

5. Заключение

Анализ памятных мест Павлодарского Прииртышья, отражённых на топографических картах XVIII – начала XX века, позволяет сделать вывод, что процесс военного и научного освоения территории шёл параллельно с её культурно-религиозной трансформацией. Первые экспедиции эпохи Петра I, труды С. Ремезова, исследования Миллера, Палласа, Фалька, Рычкова и другие инициативы заложили основу для систематической картографической регистрации укреплений, дорог и естественных ресурсов. Однако результаты этих исследований оказались значительно более широкими: благодаря этнографическому и историческому интересу исследователей на картах и в документах были отмечены памятные объекты, сохраняющие для местного населения особую духовную ценность.

Роль местной знати (Шаншар султана, рода Шормановых) в строительстве мечетей, развитии округов и поддержке научных начинаний иллюстрирует многосторонний характер этих памятных мест. Они превращались в узлы коллективной памяти, переживающей своё отражение как в академических изданиях, так и в народных преданиях. Сегодня возобновлённое внимание к целебным озёрам, мавзолеям аулие, могиле Мусы Шорманова и другим историческим точкам наглядно показывает, что необходимость коммеморации пространства не исчезла. Старые топографические карты служат ценным свидетельством трансформаций культурного ландшафта: на них можно проследить, как укрепления сменялись поселениями, как религиозные объекты соседствовали с военными форпостами, а сакральные территории на стыке степи и реки оставались центрами притяжения людей разных сословий.

Таким образом, топографические карты XVIII–XIX веков – не просто технические документы, но и хранилища исторической и культурной информации. Рассмотрение их сквозь призму междисциплинарного подхода позволяет выявить многоуровневую динамику освоения и осмысления Прииртышья. Эти памятные места продолжают играть важную роль в формировании региональной идентичности, туристической привлекательности и научных исследований, сохраняя живую связь между прошлым и настоящим.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (регистрационный номер AP19176474).

Литература

- Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998. 280 с.
- Бенвенист, 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с. фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. Москва, 1995. 456 с.
- Букейханов, 2009 – Букейханов А. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 3. Астана, 2009. 562 с.
- Букейханов, 1901 – Букейханов А. Из переписки киргизских ханов султанов и проч. // *Памятная книжка Семипалатинской области*. Семипалатинск, 1901. С. 55–78.
- Валиханов, 1985a – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1984. 416 с.
- Валиханов, 1985b – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Алма-Ата, 1985. 528 с.
- Вамбери, 1874 – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1874. 383 с.
- Гейнс, 1866 – Гейнс А.К. Киргизские Очерки // *Военный Сборник*. 9 Год. СПб., 1866. №1, 6, 7, 8. 430 с.
- ГААК – Государственный архив Алтайского края.
- ГАОО – Государственный архив Оренбургской области.
- Даль, 1905 – Даль В. Толковый словарь живого велико-русского языка: Т. 2. СПб., 1905. 1019 с.
- ИАОО – Исторический архив Омской области.
- Коншин, 1903 – Коншин Н. О памятниках старины в Семипалатинской области // *Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества*. Вып. I-й. Семипалатинск, 1903. С. 1–32.
- Левшин, 1832 – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2. 333 с.
- Материалы по киргизскому..., 1908 – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по использованию степных областей. Павлодарский уезд. СПб., 1908. 505 с.

- Мейер, 1859 – Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. 382 с.
- Миллер, 2005 – Миллер Г.Ф. История Сибири: т. 3: приложения. М., 2005. 598 с.
- Нора, 1999 – Нора П. и др. Франция-память. СПб., 1999. 328 с.
- Ожегов, 1986 – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1986. 900 с.
- Паллас, 1786 – Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской императорской академии наук. Ч. 2, Кн. 2. СПб.: При Императорской академии наук, 1786. 575 с.
- Потанин, 1983 – Потанин Г.Н. Воспоминания. Серия: Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983. 327 с.
- Радлов, 1905 – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. 1260 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Рычков, 1762 – Рычков П.И. Топография Оренбургская. В 2-х частях. Ч.1. СПб., 1762. 331 с.
- Сакральные объекты, 2017 – Сакральные объекты Казахстана общенационального значения. Астана, 2017. 496 с.
- Семенов-Тянь-Шанский, 1903 – Семенов-Тянь-Шанский П.П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга. Т.XVIII. Киргизский край / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1903. 479 с.
- Степин, 2010 – Степин В.С. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. Обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. М., 2010. 480 с.
- Темирболат-улы – Темирболат-улы С. Возвращая забытые имена: найдены уникальные документы о жизни Шаншар-султана и построенной им старейшей мечети Прииртышья // Информационное агентство «Наша жизнь». [Электронный ресурс]. URL: <https://lifepvl.kz/2023/12/29/vozvrashhaya-zabytye-imena-najdeny-unikalnye-dokumenty-o-zhizni-shanshar-sultana-i-postroennoj-im-starejshej-mecheti-priirtyshya/> (дата обращения: 20.04.2025).
- Rakhimov et al, 2018 – Rakhimov M., Shayakhmetov N., Battalov K. Sacral geography of priirtysh region in the works of Russian researchers // *Bylye Gody*. 2018. 50(4): 1406-1416.
- Remezov, 1642 – Remezov S.U. 1642 –ca. 1720. Khorograficheskayakniga [cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Cambridge, Mass.

References

- Andreev, 1998 – Andreev, I.G. (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle horde of Kirghiz-Kaisaks]. Almaty, 280 p. [in Russian]
- Benvenist, 1995 – Benvenist, E. (1995). Slovar' indoevropeskikh sotsial'nykh terminov [Dictionary of Indo-European social terms]: per. s. fr. Obshch. red. i vstup. st. Yu.S. Stepanova. Moskva, 456 p. [in Russian]
- Bukeykhanov, 1901 – Bukeykhanov, A. (1901). Iz perepiski kirgizskikh hanov sultanov i proch. Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoj oblasti [From the Correspondence of Kyrgyz Khans, Sultans, and Others. Memorial Book of the Semipalatinsk Region]. Semipalatinsk, pp. 55-78. [in Russian]
- Bukeykhanov, 2009 – Bukeykhanov, A.N. (2009). Sobranie sochinenii v devyati tomakh [Collection of works in nine volumes]. Astana, 562 p. [in Russian]
- Dal', 1905 – Dal', V. (1905). Tolkovyj slovar' zhivogo veliko-russkogo yazyka: T. 2 [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language: v. 2.]. SPb., 1019 p. [in Russian]
- GAAK – Gosudarstvennyy arkhiv Altayskogo kraya [State Archive of the Altai Krai].
- GAORo – Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti [State Archive of the Orenburg Region].
- Geins, 1866 – Geins, A.K. (1866). Kirgizskie Ocherki [Kyrgyz essays]. *Voennyi Sbornik*. 9 God. SPb. №1, 6, 7, 8. 430 p. [in Russian]
- IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region].
- Konshin, 1903 – Konshin, N. (1903). O pamiatnikakh stariny v Semipalatinskoi oblasti [On the monuments of antiquity in the Semipalatinsk region]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. Vyp. I, Semipalatinsk, pp. 1-32. [in Russian]
- Levshin, 1832 – Levshin, A.I. (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. SPb. Ch. 2. 333 p. [in Russian]
- Materialy po kirgizskomu..., 1908 – Materialy po kirgizskomu zemlepolzovaniyu sobrannye i razrabotannye ekspeditsiei po ispolzovaniyu stepnih oblastei. Pavlodarskii uезд [Materials by Kirghiz land tenure, collected and developed by the expedition on the use of Steppe areas. Pavlodar county]. SPb, 1908. 505 p. [in Russian]
- Meyer, 1865 – Meyer, L.L. (1865). Kirgizskaia step Orenburgskogo vedomstva [The Kyrgyz Steppe of the Orenburg Department]. SPb, 382 p. [in Russian]
- Miller, 2005 – Miller, G.F. (2005). Istoriya Sibiri: T.3: prilozheniya [History of Siberia. Vol. 3: Appendices]. M., 598 p. [in Russian]
- Nora, 1999 – Nora, P. (1999). Franciya-pamyat [France – Memory]. SPb, 328 p. [in Russian]
- Ozhegov, 1986 – Ozhegov, S.I. (1986). Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M., 900 p. [in Russian]

Pallas, 1786 – *Pallas, P.S.* (1786). Puteshestvie po raznym mestam Rossijskogo gosudarstva po poveleniyu Sankt-Peterburgskoj imperatorskoj akademii nauk. Ch. 2, Kn. 2 [Travel to Various Places of the Russian State by Order of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences. Part 2, Book 2]. Ch. 2, Kn. 2. SPb.: Pri Imperatorskoj akademii nauk., 575 p.

Potantin, 2005 – *Potantin, G.N.* (2005). Trekhtomnoe izbrannoe sobranie sochinenij. T. 1. Puteshestviya, vospominaniya i pisma [Three-volume selected works. Vol. 1: travels, memoirs, and letters]. Pavlodar. 550 p. [in Russian]

Radlov, 1905 – *Radlov, V.V.* (1905). Opyt slovaria tiurkskikh narechii [An Attempt at a Dictionary of Turkic Dialects]. SPb., 1905. 1260 p. [in Russian]

Rakhimov et al, 2018 – *Rakhimov, M., Shayakhmetov, N., Battalov, K.* (2018). Sacral geography of priirtysh region in the works of Russian researchers. *Bylye Gody*. 50(4): 1406-1416.

Remezov, 1642 – *Remezov, S.U.* (1642 – ca. 1720). Khorograficheskaya kniga [Cartographical sketch-book of Siberia]. MS Russ 72 (6). Houghton Library, Cambridge, Mass.

RGIA – Rossiyski gosudarstvenny istoricheski arkhiv [Russian State Historical Archive].

Rychkov, 1762 – *Rychkov, P.I.* (1762). Orenburg Topography. In 2 parts. Part 1. St. Petersburg. 331 p. [in Russian]

Sakralnye obekty..., 2017 – *Sakralnye obekty Kazahstana obenatsionalnogo znachennia* [Sacred objects of Kazakhstan of national importance]. Astana, 496 p. [in Russian]

Semenov-Tyan-Shansky, 1903 – *Semenov-Tyan-Shansky, P.P.* (1903). *Semenov-Tyan-Shanskij P.P. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: Nastolnaya i dorozhnaya kniga. T.XVIII. Kirgizskij kraj. Pod red. V.P.Semenova-Tyan-Shanskogo.* [Russia. A Complete Geographical Description of Our Homeland: A Desk and Road Book. Vol. XVIII: The Kirghiz Region. Edited by V. P. Semenov-Tyan-Shansky]. SPb. 479 p. [in Russian]

Stepin, 2010 – *Stepin, V.S.* (2010). Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. In-t filosofii RAN; Nats. Obshchestv.-nauch. fond; Preds. nauchno-red. soveta V.S. Stepin. 2-e izd., ispr. i dopol. M., 2010. 480 p.

Valikhanov, 1984a – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). *Sobranie sochinenij v pyati tomah. T. 2.* [Collected Works in Five Volumes. Vol. 2]. Alma-Ata. 416 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985b – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). *Sobranie sochinenij v pyati tomah. T.5.* [Collected Works in Five Volumes. Vol. 5]. Alma-Ata. 528 p. [in Russian]

Vambery, 1874 – *Vambery, A.* (1874). Puteshestvie po Sredney Azii [Journey through Central Asia]. Moskva, 383 p. [in Russian]

Памятные места Павлодарского Прииртышья на топографических картах XIX – начала XX века

Мади И. Рахимов ^{a, b, c}, Нурбек У. Шаяхмет ^b, Кайрат К. Батталов ^{b, *}, Гульжазира И. Рахимова ^c

^a НАО «Торайгыров университет», Павлодар, Республика Казахстан

^b ТОО «Astana IT University (AITU)», Астана, Республика Казахстан

^c НАО «Медицинский университет Астана», Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена исследованию памятных мест Павлодарского Прииртышья, зафиксированных на топографических картах конца XVIII и начала XX века. Через призму междисциплинарного анализа рассматриваются военные форпосты, сакральные объекты и места, связанные с деятельностью казахской знати. Авторы подчёркивают, что такие локации выполняли не только административную, но и важную символическую функцию.

Основу источниковой базы составляют отчёты экспедиций, архивные документы, труды известных исследователей и этнографов, а также топографические карты. Важное значение придаётся сакральным объектам, включая мечети и мавзолеи, связанным с именами религиозных деятелей и представителей знати. Эти объекты формировали вокруг себя уникальное культурное пространство, объединяющее различные слои общества.

В статье подчёркивается, что картографические материалы фиксировали не только географические реалии, но и элементы духовного ландшафта, отражая особенности восприятия пространства местным населением. Рассмотрение памятных мест как точек пересечения истории, культуры и коллективной памяти демонстрирует многоуровневый характер историко-культурного наследия Прииртышья. Такие исследования способствуют сохранению исторической памяти и формируют основу для развития культурного туризма в регионе.

Ключевые слова: Павлодарское Прииртышье, топографические карты, памятные места, сакрализация пространства, историческое наследие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kairat.battalov@gmail.com (К.К. Батталов)